

Глава 17. Родня

Ли Сяосяо поспешно пробежал через главную залу и уже собирался выскочить во двор, как вдруг он услышал тихий, прерывистый детский плач, доносившийся откуда-то из палисадника.

— Хм... Звучит точь-в-точь как голосок Эрбао...

Замешкавшись, он озадаченно почесал затылок. Поход к своему главному инвестору — Старине Ли — за начальным капиталом пришлось отложить.

Кхе-кхе...

«Как-никак я ему двоюродный дедушка. Раз уж малец плачет, нельзя просто взять и пройти мимо»

Выйдя во двор, Сяосяо увидел Эрбао, который сидел на корточках возле курятника и горько ревел, судорожно сжимая что-то в кулачке.

Сяосяо негромко откашлялся, привлекая к себе внимание, подошёл ближе и ласково спросил:

— Ну чего ты расплакался? Расскажи дедушке-гэеру, обидел кто нашего Эрбао?

Присев рядом, он погладил племянника по вихрастой макушке и присмотрелся к его рукам. Мальчик крепко сжимал изодранную в клочья плетёную сумочку из травы.

«Неужто он так убивается из-за этой несчастной травяной торбы?»

«И что мне делать? Я ведь совершенно не умею плести эти штуки!»

Малыш, безутешно хлюпавший носом у курятника, внезапно ощутил тепло и заботу. Он поднял заплаканное лицо и увидел седьмого дедушку-гэера.

Эрбао на секунду замер, шумно втянул носом воздух и разревелся с новой силой, захлёбываясь слезами.

— У-у-у, дедушка-гэер! — сквозь рыдания пожаловался он. — Я для наших курочек червяков копал, а Эртоу пришёл и всё отобрал! Ещё и сумочку мою порвал, у-у-у...

А ведь он трудился не покладая рук, выискивая каждую личинку, чтобы наполнить торбу до краёв. Каждая полная сумка червей приравнивалась к свежему яйцу. Эртоу лишил его добычи, а значит — прощай, честно заработанное лакомство! От этой мысли Эрбао зарыдал так

отчаянно, что даже забыл стереть бегущие ручьём слюны.

— У-у-у...

Несколько дней ушло на то, чтобы собрать три заветных мешочка. Первые два яйца, полученные в обмен, он благородно отдал младшим братьям. Но кто же знал, что третье яйцо, которое по праву предназначалось ему самому, нагло отберёт этот паршивец Эртоу!

Мальчик горько всхлипывал, сгорая от обиды и злости.

«Всё! Я теперь до конца жизни буду ненавидеть Эртоу! И играть с ним больше никогда-никогда не стану!»

Кое-как, сокрушаясь и утирая ему слёзы, Сяосяо принялся расспрашивать беднягу. Потребовалось немало терпения, ласки и полунамёков, чтобы наконец сложить мозаику детской трагедии воедино.

Оказалось, в семье Ли — да и во всей Деревне Большого Ковша (кхе-кхе, за исключением самого Сяосяо, разумеется) — ребятня никогда не гуляла просто так. Каждому ребёнку взрослые ежедневно давали поручения. Малышня то заготавливала сорняки для свиней, то собирала съедобные коренья, то ловила червей да кузнечиков на корм домашней птице.

Вот и Эрбао добросовестно выполнял наказ матушки Ши-ши — собирал прожорливых гусениц в травяную сумочку. К слову, мальчик подходил к делу с небывалым рвением. Шутка ли — за полную торбу насекомых полагалось целое куриное яйцо! Такими щедрыми условиями во всей деревне мог похвастаться редкий ребёнок.

Неудивительно, что семилетний Эрбао отдавался охоте со всей страстью. Наловчившись, он стабильно каждые три-четыре дня приносил полную сумку шевелящейся добычи. Заработанные собственным трудом яйца он никогда не ел втихомолку, а благородно делил между тремя младшими братьями.

Те были ещё совсем крохами. Матери не выпускали их со двора, оберегая от всяких опасностей, так что самостоятельно добывать «валюту» они не могли. Соответственно, и шансов заработать заветное лакомство у них не было.

Впрочем, четырёхлетний Сыбао и двухлетний Любао без дела тоже не сидели — они с восторгом помогали кормить семейное стадо пернатых. Им ужасно нравилось бросать зерно и наблюдать, как куры устраивают забавную толкотню из-за каждого зёрнышка.

Ну а полугодовалый малыш Цзюбао пока только сосал молоко, так что его главной обязанностью было просто крепко спать и расти не по дням, а по часам.

— Бедный ты мой Эрбао, ну-ну, слезами горю не поможешь... — Сяосяо сочувственно похлопал по плечу малыша, который уже перестал реветь, но всё ещё продолжал судорожно икать. — Этот Эртоу — настоящий паршивец. Всё, больше мы с ним не водимся!

Сяосяо соорудил грозную мину, всем своим видом выражая искреннее негодование и солидарность с пострадавшим.

«Подождите-ка...»

«О каком именно Эртоу речь? У нас в деревне их штук пять, не меньше»

В Деревне Большого Ковша это имя давали каждому второму сыну.

Неловко потерев подбородок, Сяосяо подождал, пока племянник немного успокоится, и вкрадчиво спросил:

— Эрбао, а этот твой обидчик... он чей будет? Из какого дома?

— Кхе-кхе... Ты мне толком объясни, чтобы я знал, с кого долг спрашивать. Твой дедушка-гэер непременно восстановит справедливость!

Заметив, что Эрбао удивлённо приоткрыл рот, Сяосяо напустил на себя максимально важный и суровый вид.

«Ну откуда мне знать его компанию? Я понятия не имею, какой именно сорванец заслужил порку!»

— Ну... Эртоу, который внук старосты! — Эрбао недоумённо захлопал глазами. — Во всей деревне только нам двоим по семь лет!

Мальчик уставился на него со смесью детского недоверия и недоумения. Другие деревенские тёзки либо давно разменяли первый десяток и высокомерно игнорировали мелюзгу, либо ещё поперёк лавки лежали и пачкали пелёнки.

«Как странно...»

«Неужели седьмой дедушка-гэер всю жизнь просидел дома и общался только со своими? Наверное, поэтому он и не знает никого в деревне»

Мальчика охватила острая, не по-детски взрослая жалость к одинокому родственнику.

— А-а-а... Так это внук старосты Чжана, — протянул Сяосяо, закивав головой.

Он и ведать не ведал, какими красками раскрасило его образ богатое детское воображение. Если бы Сяосяо знал мысли Эрбао, он бы лишь презрительно фыркнул.

«Тоже мне, нашли затворника! Да я в детстве был тем ещё сорванцом!»

«Какое к чёрту затворничество? Маленький Ли Сяосяо носился по округе словно ураган!»

Пускай разум его тогда дремал, инстинкты работали исправно — он сам наотрез отказывался водиться с деревенской ребятнёй.

По правилам приличия, Сяосяо, как гэеру, позволялось играть исключительно с девочками да такими же гэерами. Но для Сяосяо, который в глубине души считал себя крепким мужиком, все эти нежные создания казались невыносимо манерными и плаксивыми. Стоило ему увидеть их жеманные ужимки, как по коже пробежал мороз.

К обычным мальчишкам соваться тоже не стоило — матушка Ши-ши запрещал сыну якшаться с сорванцами, а Сяосяо послушно следовал наказам старших.

Единственным исключением из этого правила был старший сын семьи Цзюнь — Цзюнь Далан.

Впрочем, помимо Далана в семействе Цзюнь подрастали и другие дети. Был там заучившийся до полной глупости Эрлан, егоза Цзюнь Сяомэй, тихий, забитый гэер Саньлан и круглолицый крепыш Сылан. Цзюнь Эрлан, младший на два года, сутками корпел над трактатами, так что общих тем для разговора у них не находилось.

Девчонка Сяомэй воротила нос от весёлых, но грязных игр в пыли. Саньлан, стесняясь уродливого родимого пятна на лице, безвылазно сидел в четырёх стенах, а крошка Сылан и вовсе не отходил от подола матери. Вот и выходило, что единственным верным товарищем Сяосяо оставался Цзюнь Далан.

Главы семейств сквозь пальцы смотрели на их дружбу. Всякий раз, когда они гостили у соседей, Сяосяо беспрепятственно убегал с Даланом на поиски приключений. Старина Ли по дороге домой лишь лениво напоминал сыну, чтобы тот поменьше болтал в родной деревне.

Так и повелось: Сяосяо хоть и рос сорванцом, но все его вылазки за пределы двора проходили под присмотром родни. С деревенской детворой он дела иметь не желал. Естественно, без компании сверстников он оставался в блаженном неведении обо всех деревенских слухах и дразгах.

А поскольку мысли его были заняты исключительно весёлыми играми да вкусной едой, посторонние дела его и вовсе не заботили. Так что нет ничего удивительного в том, что

нынешний Ли Сяосяо понятия не имел, о ком толкует его племянник.

<http://bllate.org/book/20616/2151950>